

Разия Хасанова: та, что задает правильные вопросы

Разия Хасанова, известный в Казахстане event-организатор и продюсер, в последние годы вплотную занялась постановкой танцевальных спектаклей. Сейчас с успехом идут ее 2-я и 4-я постановки – «Любовница» и «Огонь, детка». Разию называют самым коммерчески успешным театральным режиссером: в год в Алматы, Астане, Шымкенте, Атырау проходит около 100 спектаклей, билет на постановку стоит 5000 тенге. В канун праздника 8 Марта режиссер-постановщик рассказала журналисту Ольге Пастуховой специально для портала АФИША.kz о своей пятой «мужской» постановке, важном для женщины умении говорить «нет» и доминанте в отношениях с подчиненными.

В пятницу в 13.00 – репетиция. 2 дня подряд идет спектакль «Огонь, детка», с обеда вся труппа в театре и репетирует постановку. На днях в своем Facebook Разия Хасанова написала: «Мы довели «Огонь, детка» до нужного уровня. Наши актрисы перестали мандражировать и делают... магию. Эти отклики... Их десятки и десятки. Пустое писать равнодушное «спасибо» вам за них. Я глубоко тронута. Бесконечно счастлива, что вы умеете слышать и чувствовать. Я по-настоящему благодарна».

Постановка, как и все спектакли Разии в Алматы, идет в здании частного театра «Оркен» на улице имени братьев Абдуллинных. О том, что здесь театр, не знают даже таксисты. Театр – маленький, всего на 100 мест, и уютный. Посредине классические кресла, по бокам – диванчики. Первый танго-спектакль режиссера «Ничего, кроме правды» (первая версия «Любовницы», 2013 год) должен был идти в Уйгурском театре, но в последний момент в площадке было отказано. И тогда на выручку пришел владелец этого частного театра, который дает постановщику карт-бланш в выборе тем.

На репетиции Разия сидит в первом ряду – черные джинсы, черная удлиненная толстовка. Оттачивают сложные моменты постановки. Вот актриса нагло и дерзко произносит монолог о том, что родители не должны вмешиваться в выбор специальности и жизненного пути своего ребенка, дочери. Уф! Это очень горячо, разве, что дым не идет. Однако, кажется, перебор: «Ты зачем сейчас так отфигачила зрителя? Он же испугается». Чуть меньше надрыва, но столько же проникновенности – и сцена удастся. А после танцы и споры о танцевальном рисунке. Труппа Разии Хасановой – это не профессиональные артисты, которые рано или поздно начинают ставить свои условия и учить как надо, а выпускники хореографического училища – молодые, звонкие, красивые. Довольно быстро актерам удается убедить режиссера, что именно такая последовательность движений в этой сцене правильная и логичная.

- ... Психология – это то, что нужно в современной жизни. Даже здесь, в театре – только актерское мастерство не работает! А вот психология – с ее транзактным анализом, гештальтом, арт-коучингом – дают результат. На себе испытала эффект и сейчас каждую неделю хожу к психологу. А удачные техники с погружением в ситуацию, с прочувствованием эмоций применяю в работе. Я не претендую на лавры психолога ни в коем случае – у меня нет таких полномочий и образования, просто вижу, как это работает в реальной жизни или на сцене и делюсь своим опытом с моими ребятами.

Психология и режиссура похожи меж собой – обе эти профессии про правильные вопросы. Также, как психолог не решает проблемы клиента, а помогает ему найти ответы самостоятельно, так и режиссер не играет все сам, а помогает единомышленникам реализовать задумку автора. Оба они это делают с помощью правильных вопросов!

- Умение задавать правильные вопросы – это, вероятно, из журналистского прошлого? А как у вас сейчас это работает?

- Вот сегодня с ребятами искали новые смыслы в том, что они умеют. Мы практиковались в том, как рассказать эту историю еще ярче, достовернее и убедительнее.

Предположим, я вижу, что актер "врет" на сцене. Если это осознанно, с этим можно работать – это может быть очень интересный гротескный театр. А если это неосознанно, сработала защита «лишь бы не сказать правду», тогда надо разбираться, от чего защищается. Например, актер демонстрирует скрытую агрессию, а чувствую – что-то не то. Спрашиваю. Актер признается, что да, он злится. «А на что ты злишься? Что внутри этой злости?». Ищет. Оказывается – страх. «А чего ты боишься?» Выясняем. И вдруг открывается новый горизонт! Актер, понимающий причины своих эмоций, осознающий их, управляющий ими, создает образы куда более глубокие, яркие, интересные, чем тот, кто «изображает» что-то. Или тот, кто «извергает» из себя на бедного зрителя поток неконтролируемых эмоций. Знать себя, понимать причины своих реакций, стать победителем, включенным и осознанным, принять/впитать характер своего героя, глубоко оправдывая его поведение (как свое собственное) – как здесь без психологии?

Но! Здесь важная оговорка. Я ребятам повторяю: «Эти ворота открываются только изнутри. Я могу стоять с катапультами, пращами и арбалетами и брать осадой, но толку не будет. Вы должны сами хотеть». Поэтому помимо групповых репетиций у нас есть индивидуальные занятия в рамках подготовки к роли. Есть правило: актер сам должен попросить. Я – как вампир: не могу войти, пока меня не пригласишь.

- Читая ваши посты в соцсетях, интервью, видишь, что вы постоянно развиваетесь – ищите все новое и новое. А что будет после театра?

- Кто его знает. Пока еще тут не исчерпано. Впереди «мужской» спектакль, мюзикл, инклюзивный театр, спектакль-концерт (это секрет). К Новому году будет совершенно улетный проект, такого в Казахстане еще не было. Хочется работать.

- Это уже конкретные планы?

- Да, это рабочие планы, которые сейчас воплощаются. По этим проектам кипит работа: работают авторы сценария, музыканты, а также совсем необычные для театра люди. Я – не революционер. Менять общество какими-то радикальными методами вроде петиций – это мне совсем не понятно, не мое. Мой способ влиять на общество, разговаривать с людьми – сцена. Я понимаю, что какие-то вещи не в наших силах. Но ведь я могу подтолкнуть задуматься о чем-то важном. Придерживаюсь принципа «занимайся своим садом – пчелы прилетят». Я верю, что искусство – это единственное, что влияет на нас по-настоящему. Поэтому им и занимаюсь.

- Театр – это все, что сейчас вас занимает? Вы отошли от event-агентства «Измурдный город»?

- Да, отошла. Потому что не могу расплытаться, у меня просто нет внутреннего ресурса: я думаю о театре, засыпая, просыпаясь, принимая душ... Я думаю о людях, костюмах, декорациях, гастролях, музыке, сцеплениях внутри сцен. Я думаю об актерах, с чем они справляются/не справляются, как их любви/нелюбови и проблемы влияют на работу.

- Получается, что свадьба вашей дочери почти год назад была вашим ярким финальным аккордом в event-индустрии?

- Ее делала не я, меня полностью отстранили. Мне очень хотелось причинить счастье и нанести радость: я хотела влезть в сценарий и т.д. Но мне не дали, и я решила: «Хорошо. Значит, надену красивый костюм, сделаю прическу и буду мамой».

- Ничего себе! Глядя на фотографии в Instagram, где вы с дочерью в кремовых платьях – думалось, что все вами организовано. Вы же никогда не показывали event-проекты в соцсетях?

- Нет, никогда не показывала. Я чуть-чуть помогла с организацией фотосессии, потому что мои друзья – фотограф Руслан Тагаев, визажист Ирина Хабер – подарили свои услуги. Но в остальном я просто была мамой.

- Вы стали бабушкой. Сколько времени уделяете внучке?

- Мало. Но себя не ругаю, это неэффективно. Думаю, что мое время настанет, когда она подрастет, коммуникация через слова – это мое. Тогда смогу дать максимум: показать, рассказать, привить. Я рассказываю ей в люльке про свои планы: «Так, надо будет рассказать тебе про татуировки, питание, уход за кожей, что пиво лучше не пить, что такое контрацепция и почему слово «нет» – это главное слово для девочки. Она должна научиться говорить его правильно и красиво, чтобы все принимали это «нет» как счастье. А сейчас я пока тискаю, нюхаю, подкидываю и жду настоящего общения.

- Проследив историю вашей семьи, делаю вывод, что у вас появляются девочки. И тема ваших спектаклей – женская. Вы сейчас говорили: «Влиять на общество». Но фактически вы же влияете на женскую часть общества?

- Мне очень нравятся прекрасные слова «Миром правит рука, качающая колыбель». Все в этом мире от нас: это мы воспитываем мужчин, это мы задаем энергию, это мы можем сказать мужчине о своем желании, чтобы дети гордились

им, а не стыдились отца-вора. Вектор духовности мужчины расположен горизонтально, он отвечает за количество: больше завоеваний, женщин, скота, золота. Женщина же отвечает за качество. Поэтому мои постановки – это обостренная форма потенциального разговора женщины с мужчиной. Я говорю о том, что болит внутри меня, беспокоит меня. И если общество принимает это – это большое счастье.

На «Любовнице», кстати, сейчас больше мужчин – половина примерно. На «Огонь, детка» 80 процентов женщин, мужчин – процентов 20. Но мы его и предполагали женским. «Терминал» – «мужской» спектакль. Хотя нет, скорее, молодежный.

- Расскажите подробнее про «Терминал».

- Мы только готовим его. К апрелю планируем премьеру. Российская писательница Мария Фариса выпустила сборники рассказов «Авантюрин» и «Лучше журавль». Меня когда-то вынесло от этих книг, просто вынесло. Я нашла ее в Instagram, в процессе переписки возникла идея сделать спектакль, она дала разрешение.

Мы делаем спектакль по «Авантюрину». Есть 2 варианта слогана к нему: «Говорят, что смельчаки долго не живут. Но трусы не живут вовсе» или «Вам кажется, что приключения опасны. А вы попробуйте рутину – она смертельна». Это история о смелости жить, любви к жизни, что жизнь иногда причиняет нам боль, но это лучше, чем закрыть свое сердце в коробке и дать ему сгнить там. А еще о путешествиях, разных жизнях, открытиях, постижениях. В общем, танцевально очень. Зажигает и собирает в дорогу.

- Вы – журналист по образованию; не учились ни на хореографа, ни на театрального режиссера... Как вы понимаете, как надо ставить?

- Это не я. Сверху приходит. Наблюдаю в жизни и воспроизвожу на сцене. Я очень надеюсь, что все мы ведомы Богом, я не религиозный человек, но глубоко верующий. Хочу верить, что через него ко мне приходят люди, разговоры, идеи. Как только я понимаю, что происходящее – тенденция, то имеет смысл поговорить об этом в спектакле.

- А как вы понимаете, что постановка удалась - кроме коммерческого успеха? Что происходит, когда вы принимаете решение закрыть спектакль и взяться за следующий?

- «Любовница» живет уже третий сезон. Я не знаю, сколько еще, туда не заглядываю. Посмотрим. Наверное, я почувствую, что тема перестала быть актуальной.

Я каждый новый спектакль жду, что сегодня получится – будет хорошо, будет сияние. С непрофессиональными актерами всегда сложно, всегда риск, эксперимент, но зато честность. Они незашоренные, у них нет этого «я знаю, как надо играть». Мы, люди, ничего не знаем. Мы все хором ничего не знаем. Мы все только-только учимся, и это очень круто. А магию я чувствую по мурашкам, когда понимаю, что зал треморит, что люди орут, свистят, что люди плачут. Спокойный зал – другой. Там тоже бурлит, но иначе. Интересно это!

- Вы ездите с гастролями по Казахстану. Иначе реагируют?

- Люди везде одинаковые, разницы нет. Мы боялись вести «Любовницу» в Шымкент: как будем раздеваться, южный город же. Люди нас не отпускали со сцены! Минут 15 мы не могли уйти из-за оваций. Такая энергетика! Приехали в Атырау – ползала в платках. Я опять в шоке: «Как будем играть?» И тоже сумасшедшая реакция: столько слез, теплых слов, любви. Я считаю, что реакция публики – это наша ответственность, а не зрителя. Если мы работаем в полную силу, то люди откликаются.

Самое прикольное, что приходили к нам люди, которые вообще не говорят на русском языке. Они все понимали. Я спрашивала через переводчика: «А что вы поняли?» Они говорят: «Все поняли».

- В личном общении вы мягкая, чувствующая, поддерживающая. Когда вы становитесь начальником, то давите, подавляете – видно, например, на репетиции. Вы делаете больно – вам самой больно?

- Я – живой человек, мне, конечно, бывает нелегко. Я прихожу домой и порой плачу, болею. Приходится осознанно отстраняться, у психолога прорабатывать.

Есть вопросы, которые я не могу и не должна контролировать – это личное общение, оно идет самотеком. А рабочими вопросами я должна управлять, иначе не смогу гарантировать результат. В работе с актерами я намеренно стираю границы. Они знают, что могут на меня положиться: я всегда пойду навстречу, услышу, пожалею, помогу, поддержу, иногда отругаю, иногда вступлю в конфликт с людьми, которые их обижают. Я буду на их стороне.

Но в работе у нас есть один главный цензор, критерий, мерило – это зритель. Я не позволю делать так, чтобы личное было выше, чем интересы зрителей. И в достижении этой цели я не останавливаюсь ни перед чем.

- Спасибо за откровенность. Надеюсь, вам тоже было интересно.

- Несомненно. Я ценю интервью за возможность сформулировать важные мысли, которые есть в голове и пока не нашли выхода. Это позволяет поддерживать порядок в голове.

До спектакля еще час, в холле активность. За этот час Разия Хасанова пройдет тут раз 5: на перекус, в гримерку, на разговор с переживающей актрисой, встретить гостей, решая вопрос с администратором... В холле стоит промо-лоток с чаем, всех зрителей бесплатно угощают чаем. Вот прибежали молодые девушки – вероятно, вчерашние студентки. Одна из них достает из сумки сэндвич, делится им, они с удовольствием берут чай. Вот пришла статусная женщина – она явно кого-то ждет и удивленно отказывается от горячего напитка. Действительно, зритель театра Разии и по возрасту, и по социальному, материальному положению – очень разный, но в основном это – женщины.

Только что закончился спектакль. Зал рукоплещет труппе, режиссеру. Кто-то вытирает слезы, кто-то прячет слезы за очки. Глазами Разии Хасановой женщиной однозначно стоит быть.

Текст: Ольга Пастухова